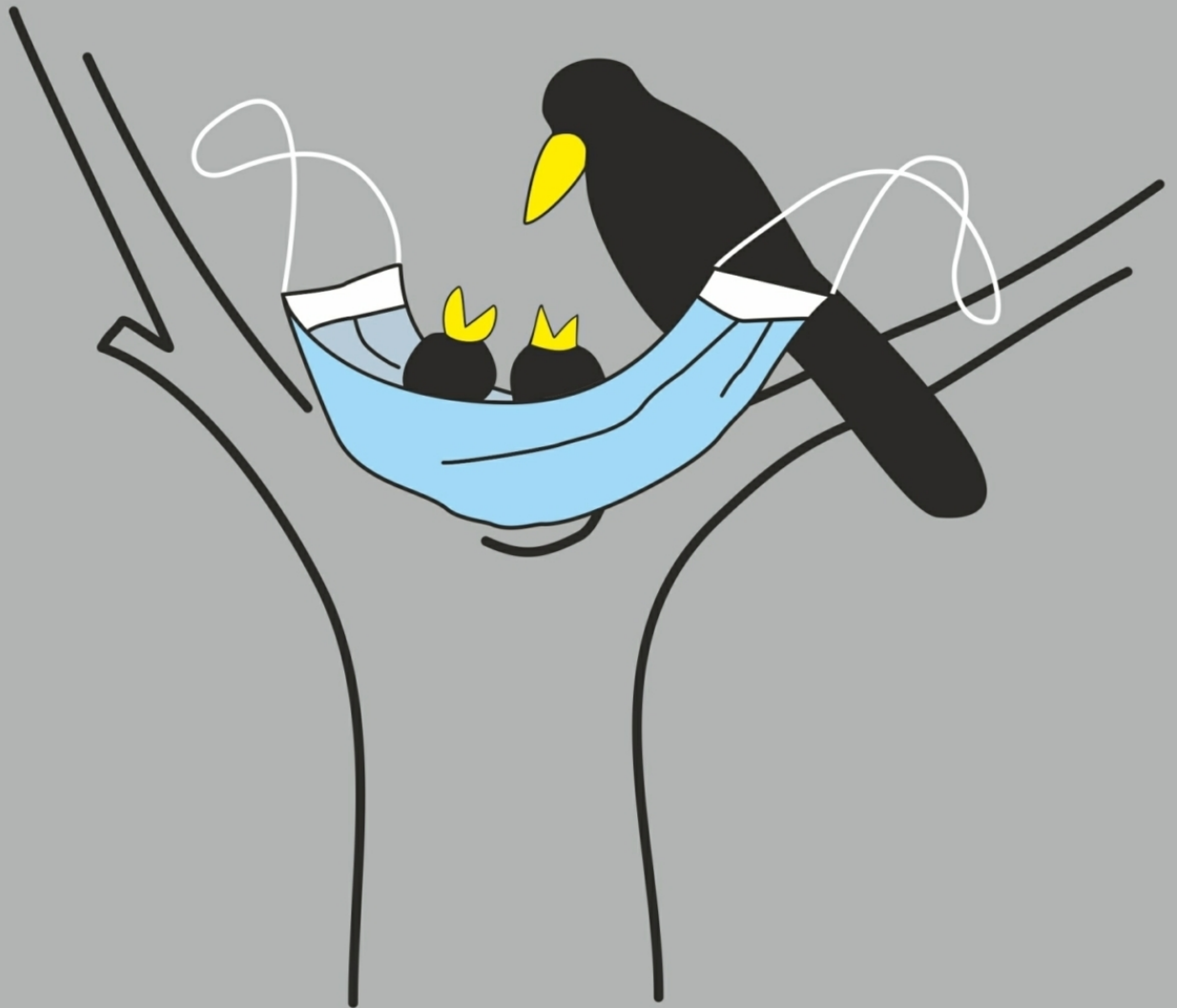

МИХАИЛ ГРАЧЕВ

БАЙКИ ИЗ КАРАНТИНА

16+

Михаил Грачев
Байки из карантина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грачев М. В.

Байки из карантина / М. В. Грачев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник рассказов и стихотворений о том, что жизнь продолжается, даже если кажется, что весь мир остановился.

© Грачев М. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Два баяна	5
Песни св. Роха	8
Вдребезги	9
Из глубины	11
Волосишко	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Грачев

Байки из карантина

Два баяна

– Ну что, кто сегодня будет жертвой? – спросила Света, наливая в свой капсульный кофе такие же одноразовые сливки.

– Точно не я, – уклонилась Арусяк от неприятной обязанности. – Мне вчерашнего хватило.

– Так и быть, – с улыбкой на лице вздохнула Марина, – приму удар на себя.

Банк, где работали девушки, был маленький, без очередей из надоедливых пенсионеров. И вообще без очередей. Но один пенсионер по прозвищу Дед и у них все-таки недавно завелся. Под самый Новый год принес свой невеликий капиталец и открыл вклад. Ну открыл и открыл, с кем не бывает.

Потом были каникулы, никто не работал, банк тоже клиентов не принимал. Но в первый же в новом году рабочий день дед пришел снова. И сел разговаривать с Арусяк.

– Здравствуйте, девушка, – бодро сказал посетитель преклонных лет. – С праздничками.

– Добрый день. И вас тоже, – лениво ответила Арусяк. – Вы по какому вопросу?

– Да вот вклад у вас открыл, – сказал посетитель, протягивая замусоленный паспорт без обложки.

– Сейчас посмотрим.

Арусяк не без брезгливости взяла старенький паспорт кончиками пальцев и застучала по клавиатуре красными от лака ногтями.

– Так вы же в том месяце открыли вклад, – удивилась девушка. – Открыли на год, а прошло всего две недели.

– Да-да, я понимаю. Котелок пока варит. Просто вот праздники были... Я и подумал, а не купить ли тебе, Валентин Семенович, баян.

– Валентин Семенович, если заберете деньги сейчас, процентов по вкладу у вас не будет.

– Так я ж не весь вклад хочу.

– Частичное снятие условиями вклада не предусмотрено.

– То есть либо всё, либо ничего, верно?

– Верно.

– Ладно. Это надо обмозговать. До свидания, девушка.

– До свидания, Валентин Семенович.

Тихо тянулся дальше банковский день. Пришло еще с полдюжины людей. Больше нарушать покой операционисток было некому – кто отдыхал после отдыха, кто отмечал старый Новый год. И следующий день был тих, как море перед бурей. Только, как всегда, волновались новости на радиоволне. Диктор рассказывал про неведомую заразу в Китае, где с опозданием почти на месяц готовились к новому году металлической крысы.

– Здравствуйте, девушка. С вами мы еще не общались, – нараспев сказал Валентин Семенович, подсаживаясь к Марине. – Вот вы мне скажите, брать мне баян или не брать.

– У нас баянов нету. Это банк, – сухо ответила Марина.

– Знамо дело, банк. Я потому и пришел к вам. У меня же вклад открыт.

– Хотите снять проценты?

– Хочу, но проценты будут не скоро. Вы мне пока лучше совет дайте, как быть с баяном.

– С баяном это не к нам, простите. Мы можем кредит выдать, а там уж вы сами смотрите, на что деньги тратить.

– Дык деньги есть. Определенности нет. Но спасибо и на этом. Будем кумекать.

С тех пор так и повелось. Света, Марина и Арусяк окрестили Валентина Семеновича дедом и каждое утро то ли в шутку, то ли всерьез спорили, кому из них сегодня слушать про баян. Из паспорта девушки знали, что дед живет через дом от их банка, а от самого деда они узнали историю всей его жизни, чуть ли не главным эпизодом которой теперь ему виделось обучение в музыкальной школе по классу, правильно, баяна. Было это в пятидесятых, а в ребро бес забрался только сейчас, страшно подумать, шестьдесят с хвостом лет спустя. Возможно, еще и потому, что этим летом родную музыкалку в один день выселили из дома на Палихе и сослали в Марьину рошу. А так, глядишь, и не вспомнил бы.

Ну а как вспомнил, повадился ходить в банк и донимать скучающих сотрудниц болтовней о баяне. Через несколько дней он знал и называл всех трех по именам, а в солнечные дни, которых в этом году было больше обычного, девушками-красавицами.

Марину с Арусяк дед скорее забавлял, а вот Свету, открывшую ему злосчастный вклад, откровенно злил. Но решив про себя, что клиент всегда прав, даже если он докучливый дед, Света улыбалась сквозь зубы и подчеркнуто вежливо с ним разговаривала.

Впрочем, уже в начале февраля дед стал так же привычен, как кофе-машина, стоявшая в кухне-подсобке. И уже никто не пререкался и не отфутболивал деда. Безобидный баянист растопил сердце даже неприступной Светы. Ну а чего, ходит себе, байки травит, никого не трогает, есть не просит.

– А давайте мы, как говорится, скинемся всем коллективом и подарим нашему деду баян, – предложила Света во время очередного кофейного перерыва.

– Да ты видела, сколько они стоят? – возразила Марина. – А я видела. У нас в банке, столько людей не работает, чтобы на этот баян собрать.

– А мы подержанный купим в интернете. Я уже приглядела парочку. Недорогие, мы и втроем потянем. За качество, правда, я не ручаюсь.

– Ну чем богаты... И торжественно преподнесем на 23 февраля.

– А чего на двадцать третье? Наш дед не воевал и вообще, по-моему, в армии не служил. Давайте – на День святого Валентина!

– Семеновича, – сострила Арусяк.

Сказано – сделано. Баян самовывозом из Новогиреево доставлен в банк и припрятан в подсобке до именин самого постоянного из клиентов. Довольные своей задумкой, девушки стали радоваться каждому приходу старика и хитро улыбались, когда он привычно заводил речь о покупке баяна.

И вот накануне Дня Д, в четверг, дед взял и не пришел. Целый месяц ходил как часы, а тут выкинул коленце. Ждали деда до вечера и даже на полчаса позже ушли с работы, но его так и не было, впервые за год – прогулял. А когда не явился и в пятницу, на которую выпал День всех влюбленных («в деда», – пошутила Арусяк), заволновались. Позвонили – сначала на мобильный, потом – на домашний. Гудки без ответа. В понедельник вечером следом за женщиной с пакетами пробрались в подъезд. Звонили в дверь. Опять тишина.

Предположили, что уехал на дачу, хотя что там делать посередине пусть и теплого, но февраля? Да мало ли еще что. Но про себя каждая уже попрощалась с дедом навсегда.

И действительно, Валентин Семенович не приходил до конца февраля. Не было его и в марте. Девушки суеверно не убирали баян, лишь иногда стряхивая с инструмента пыль. Надеялись, что дед вернется – и не к Новому году, чтобы забрать вклад, а со дня на день. Да жив ли он вообще?

В конце марта в городе объявили карантин. Первую неделю не работали совсем, а на второй начальство постановило работать удаленно. Света поехала в банк за ноутбуком. Стоял первый по-настоящему теплый день, которому опустевшие улицы придавали привкус солнеч-

ного сновидения. Стихли машины, лишь где-то вдалеке за спиной шумело Садовое. Необычная тишь, казалось, резала слух.

И тут над головой полились звуки, да-да, определенно, звуки баяна. Света ускорила шаг, перешла на бег и ворвалась во двор дедова дома. Тот как ни в чем не бывало сидел на балконе и растягивал меха.

Света задрала голову, и от яркого солнца у нее заслезились глаза.

– Валентин Семенович, – крикнула Света. – Валентин Семенович, откуда у вас баян?

Дед прекратил играть.

– Так он у меня с учебы еще лежит. И ничего ему не делается.

– А зачем же вы тогда к нам в банк ходили?

– По-го-во-ри-ть, – прокричал по слогам дед.

– А что же перестали?

– Так самоизоляция. Сначала вот у внука был, теперь – у себя. Да и наговорился я, – сказал Валентин Семенович и снова взялся за баян.

Играл он скверно.

Песни св. Роха

На узких улицах не слышен детский хохот,
Набитые людьми, молчат в Италии дома,
И молятся жильцы неистово святому Роху:
Опять в Ломбардии свирепствует чума.

Дома молчат, но – радость! – есть балконы,
Погода позволяет на балконах пить и петь,
И над Ломбардией летят веселые канцоны,
Так проще вирусное заключение терпеть.

И где-то есть больницы, доктора, курьеры,
Все те, кто бьется на чумной передовой,
(А где-то есть запреты, штрафы, полумэры),
И есть бубон, и пес у ног, и нимб над головой.

Вдребезги

Ирина Васильевна, как всегда, сидела в полном одиночестве в своей однокомнатной квартире на четвертом этаже пятиэтажной хрущевки, доживавшей вместе с Ириной Васильевной свой век во вполне себе приличном районе бесконечно благоустраиваемой нашей столицы.

Как пишут в романах, ничто не предвещало беды. На кухне стыл старый, заляпанный электрический чайник, в шкафу со стеклянными дверцами стояла посуда, извлекаемая по праздникам и для гостей, то есть уже почти никогда, привычно бубнил и покрикивал про заокеанского агрессора и жуткую жизнь в сопредельных государствах телевизор.

И вдруг раздался оглушительный дребезг, окно в деревянной раме разлетелось на куски, осыпалось на пол и прикрылось шторами, рухнувшими на пару с карнизом. В комнату с водосточной трубы (и как он только с нее не сверзился, ирод?) лез мужчина, самый обычный, ничем не примечательный.

– Тебе чего, милай? – только и спросила Ирина Васильевна.

Испуг каким-то извращенным образом выразился у пенсионерки со стажем в виде приветливой заботы на старый лад.

– Да мне бы выйти отсюда, – ответил непрощеный гость; грабить и убивать, похоже, он никого не собирался. – И вот еще, воды бы попить.

Ирина Васильевна начала было вставать с кресла, чтобы налить воды в граненый стакан, оставшийся от мужа, но незнакомец сам в пять шагов прошел на кухню, напился прямо из чайника и, спасибо не сказав, открыл входную дверь. И поминай, как звали.

Ирина Васильевна хоть и перепугалась до чертиков, но нашла в себе силы подойти к разбитому окну, через которое и увидела, как этот супостат вышел из подъезда и неровной походкой скрылся в соседнем дворе. Убедившись, что супостат не вернется, позвонила в милицию, как по старой памяти ее называла.

Чин чином приехал оперативник с двумя сержантами и собакой. Из квартиры напротив выглянула длинноволосая девушка (где-то сзади маячил ее благоверный), спросила, что случилось. Получила уклончиво-юмористический ответ, поняла, что пришли не к ним, и покрепче заперла дверь.

Полицейские составили протокол, сфотографировали «место преступления» и, выполнив все прочие формальности, уехали восвояси, чтобы больше никогда уже не вернуться. Какое им дело до разбитых окон? Им план выполнять надо, а тут не преступление, а недоразумение: не грабеж, не поножовщина, так, глупость какая-то.

Когда полицейские уехали, страх наконец догнал Ирину Васильевну, страх и растерянность. Она осела в кресло, держась за сердце, и заплакала. Из разбитого окна в комнату тянуло осенним холодом, но старушка этого как будто не замечала – так обидно ей стало за себя и за ни в чем не повинное окно, которое столько лет служило ей верой и правдой.

В дверь позвонили. Ирина Васильевна подумала, что вернулись милиционеры. Поймали, наверное, шельмеца. И даже не посмотрев в глазок, она открыла. На пороге стояла соседка сверху, красивая, крепкая женщина за сорок, на которую Ирина Васильевна прежде только неодобрительно поглядывала у подъезда, но разговаривать никогда не разговаривала.

– Я с повинной, – сказала соседка, на лице у нее была то ли ехидная ухмылка, то ли и правда гримаса сожаления. – Это мой у вас тут делов натворил. Я все возьму, вы только заберите из полиции заявление.

Ирина Васильевна все еще слабо понимала, что происходит, и потому просто молча стояла, не зная, что и зачем говорить.

– Вы поймите, он без злого умысла, – перешла на протокольный язык соседка. – Я вам сейчас все объясню. Можно войти?

Ирина Васильевна подумала, что дверь ее все равно не спасет, если любой может зайти в окно, и, так и не сказав ни слова, отступила в сторону кухни, мол, заходите, люди добрые, берите, что хотите. Безразличие к собственной судьбе и собственности накатило на старую, уставшую, одинокую женщину.

Соседка первым делом оценила масштабы разрушений, а ошалевшая Ирина Васильевна, повинувшись годами выработанному рефлексу вежливой хозяйки, как сквозь сон (а вдруг и правда, ей все это только снится?) пробормотала:

– Может быть, чаю?

– Обязательно, – не раздумывая, согласилась соседка. – Вы ставьте чайник, а я пока стеклышко вызову.

Уже вторая за сегодня незваная гостья осталась в успевшей остыть комнате и отыскивала в телефоне номер ближайшего мастера. С третьей попытки дозвонилась и, не спросив, сколько стоит вызов и работа, велела прийти как можно быстрее. Затем пошла на кухню, где Ирина Васильевна уже выставила на стол коробку с эклерами. Не пить же чай с таким.

– Вы уж нас простите. Я сейчас все объясню. Вас как зовут? Меня – Настя.

– Ирина Васильевна, – все так же на полуавтомате ответила потерпевшая.

В голове у нее никак не рассеивался туман, и вместо того чтобы сорваться, накричать на ту, что пришла извиняться, выставить ее вон, Ирина Васильевна зачем-то потчевала ее пирожными.

– Очень приятно. Вы понимаете, мы только недавно начали, как бы это лучше сказать... встречаться. Ну и он с виду тихий такой, интеллигентный, букеты дарит, с портфельчиком ходит. А оказалось, ревнивый – до рези в глазах.

Ирина Васильевна слушала, не перебивая.

– Ну а я девушка свободная, – не без кокетства продолжила свой рассказ соседка, – в вечной любви ему не клялась. Он у меня в телефоне сообщение от бывшего увидел. И дернуло же его написать. Мы иногда тоже... встречаемся. Хоть и расстались, а мужик-то хороший, чего добру пропадать? А этот подвыпивший был и сначала меня грозился покалечить. Но я-то вижу, что он цену себе набивает. Такие не дерутся. Тех, которые дерутся, мы уже проходили. Зато такие, как выясняется, в окно прыгают от неразделенной любви и несовершенства этого мира. Думаю, он меня поугагать хотел да и вывалился. А потом каким-то чудом ввалился к вам. Пьяных да малых, как известно, Бог бережет.

Настя все говорила и говорила, щедро пересыпая свою речь присказками и прибаутками и, вообще, казалась такой искренней и дружелюбной, что, слушая ее анекдотичную, по сути, историю, Ирина Васильевна исподволь оттаяла и под конец даже повеселела.

– А вы знаете, Настя, я, когда молодая была, тоже мужиками крутила только так. Ну пока замуж не вышла. А когда вышла, крутила уже поменьше, чтобы мужа, царствие ему небесное, зря не расстраивать.

Разболтались. Сначала обсуждали мужиков, бывших и действующих, а потом и за жизнь начали. И забыли уже и про инцидент с окном, и про заявление в полицию. Впрочем, хотя две женщины, распивавшие на кухне чай, сдобренный невесть откуда взявшимся коньяком, этого и не знали, забыли про заявление Ирины Васильевны и сами полицейские. Говорят же, не до того им, у них дела поважнее есть.

Очнулись, только когда приехал мастер с напарником вставлять окно. Так и подружись и не раз еще гоняли чай на маленькой, уютной кухоньке.

А потом хрущевку расселили и снесли вместе со всем микрорайоном таких же игрушечных и оттого невыгодных, по нынешним временам, домишек. И на обломках старого пятиэтажного мира воссияли новые панельные высотки, где уже никто не залезет к тебе в окно, но зато и в гости, так, по-соседски, тоже никто больше не ходит.

Только Ирина Васильевна ничего этого уже не увидела.

Из глубины

Два пленника, застрявшие в чужой квартире,
Чума свирепствует, но мы не носим маски,
Мы на ночь слушаем виниловые сказки,
Мечтая о вине чилийском, итальянском сыре.
Плывет корабль дураков в прямом эфире,
Мы в комнате сидим, как на плоту "Медузы",
Мы выживаем, как в двенадцатом французы,
Метель метет, нас двое в целом мире.

Белесые жуки врезаются в невымытые стекла,
Не дольше века день, он длится, как неделя,
Капель и потепление – все первого апреля,
Иссохла кожа рук и губ, а улица промокла.
Мы взаперти, мы маемся и смутно вспоминаем,
Какой весна бывает приходящая снаружи,
Как за углом дождь и цветочница разводят лужи,
Что что-то радостное наступает вслед за маем.

Волосишко

Сейчас вечер. Я погасил электрический свет, зажег две стеариновые свечи, заварил вкусный травяной чай с имбирем и лимоном (он сейчас настаивается), и сел за ноутбук.

Дожидаюсь чая и нахожусь с самим собой. Хочется поразмыслить над будущим рассказом. Правда, пока нет ничего, ни завязки, ни развязки, ни особо глубоких мыслей. А если честно, то по большому счету – никаких.

Зато есть герой. Про него пока и напишу. Это юноша. Ему двадцать с чем-то лет. Даже будет лучше, если ему за двадцать пять. То есть он молод, но не совсем зелен. А загвоздка (ведь в каждом рассказе должна быть загвоздка), в том, что у него выше пупа совсем не растут волосы. Нет, конечно, они есть и на голове, и под мышками, и даже немного под носом, хоть и жиденькие, но есть. А вот на груди – ну ни единого, даже самого заваливающего волосика не сыскать. И не то чтобы волосатая грудь – это его заветная мечта, плевать он хотел на волосатую грудь. Но то, что прям ни единого волосика, вот это ну совсем странно. Это, в конце концов, удручает.

Итак, волос не было и нет, и он (пусть его будут звать Юра) уж было совсем отчаялся. Но вот однажды утром, за чисткой зубов, Юра заметил в зеркале что-то, чего отродясь не видывал. Из его левого соска торчал, да, неказистенький, совсем еще слабенький, но волос! Нет, не волос – волосок. Можно даже сказать, волосишко. Как Юра ему обрадовался! Глупо, конечно, радоваться такой незначительной мелочи, которую и показать-то стыдно, но когда ты долго чего-то ждешь и очень сильно хочешь, а потом это случается в одночасье, трудно сдержать волнение. А это был как раз такой случай.

Так вот, у Юры вырос один волосишко, и Юра ему радуется не нарадуется. Юра в шутку дает ему старомодное имя-отчество, что-то вроде Порфирия Семеновича. В шутку с ним здоровается по утрам, когда перед зеркалом чистит зубы и умывается. Дневник наблюдений, как в школьном детстве, когда географичка заставляла записывать в таблицу, сколько сегодня было градусов выше нуля, сильный ли дул ветер и на что были похожи облака – на гору ли взбитых сливок или на рваные полоски сахарной ваты, – нет, такой дневник Юра ради волосишки, конечно же, не вел. Но Порфирий Семенович медленно подрастал – это Юра подметил – и в один из вешних дней даже самую малость закудрявился.

Что потом? А потом Юра, конечно же, знакомится с девушкой. Это уж как водится. И знакомится он с ней тоже на старомодный манер, не в социальных сетях и не в мобильных приложениях, а в винном баре, куда его затащили друзья-приятели. Они оказались рядом за барной стойкой, и Катя сама с ним заговорила. Как водится, болтали ни о чем: то ли музыка классная играла в баре, то ли оба посмотрели недавно какой-то классный фильм в повторном прокате, а то ли просто погода была хорошая, и надо было допивать уже этот дурацкий бокал вина по цене бутылки и бежать, бежать, пока не закрылись в магазинах алкогольные отделы, за добавкой и, шляясь по бульварам и переулкам, распивать ее, эту добавку, украдкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.